

ИЭН ВУД

PhD, профессор раннесредневековой истории в Университете Лидса (1995–2015), с 2015 г. почетный профессор

i.n.wood@leeds.ac.uk

https://www.researchgate.net/profile/Ian_Wood9

Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности»

Взгляды на проблему «падения Рима» неизменно отражали главные политические темы периодов, в которые они появлялись. Во Франции начала XVIII в. «падение Рима» обсуждалось в контексте споров об абсолютизме и правах аристократии, которая, как предполагалось, вела свое происхождение от варварских новопоселенцев.

В эпоху Великой французской революции эти пришельцы считались и борцами за свободу, и предками знати. Эти противоречащие друг другу точки зрения были отвергнуты Огюстеном Тьерри, подчеркивающим угнетенное положение исконного населения. Данную модель позже взял на вооружение итальянец Алессандро Мандзони, и она стала элементом в интеллектуальной атмосфере Рисорджименто и обсуждении проблемы присутствия чужестранцев на итальянской земле.

В качестве аргумента против подобного прочтения с его этническими и классовыми подтекстами было выдвинуто прочтение религиозное: после уничтожения варварами в сущности прогнившего римского мира, цивилизация восстала из пепла стараниями церкви. Хотя подобные толкования выдвигались и позже, в конце XIX в. споры вращались в основном вокруг роли германских народов. Исследователи, затронутые движением немецкого объединения, видели варваров преимущественно в националистическом свете.

Другие, напротив, занижали значимость их вторжений и настаивали на внутренней слабости Римской империи, одновременно указывая на преемственность с постримским периодом. Из этих двух интерпретаций националистическая оказалась сильнее в период двух мировых войн. Вслед за поражением Рейха рассматривать варваров в положительном ключе стало невозможно: они либо превратились в разрушителей, либо практически исчезли из поля зрения историков.

Акцент на культурных достижениях поздне- и постримского периодов создал почву для более позитивного прочтения в 1970-х гг. понятия «поздней Античности», хотя старые трактовки живы и сегодня, частично в связи с обсуждением места США в мировом порядке. Другими словами, актуальная политическая и социальная повестка дня неизменно обращалась к «падению Рима» — историографию невозможно отделить от ее контекста.

Ключевые слова: германские варвары; историография; национализм; падение Римской империи; поздняя Античность.

ПЕРЕВОДЧИК

Кабитова Ольга Александровна — аспирантка Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Москва)
olunya93@mail.ru

РЕДАКТОР ПЕРЕВОДА

Сухино-Хоменко Денис Владимирович — PhD-студент Института исторических исследований, Университет Гётеборга (Швеция)
denis.sukhino-khomenko@gu.se

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ / FOR CITATION

Вуд И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» // Vox medii aevi. 2019. Vol. 1(4). С. 175–202.
URL: <http://voxmediiavei.com/2019-1-wood>

IAN WOOD

Professor of Early Medieval History at the University of Leeds (1995–2015),
Professor Emeritus since 2015

i.n.wood@leeds.ac.uk

https://www.researchgate.net/profile/Ian_Wood9

Debating the Fall of Rome: from the Ancien Régime to the Creation of Late Antiquity

Views on the Fall of Rome have consistently reflected the major political concerns of the period in which they were and are expressed. In early eighteenth-century France, the Fall of Rome was integral to debates on absolutism and on the rights of the aristocracy, who were supposedly descended from the incoming barbarians.

In the French Revolution, the incomers were seen both as champions of liberty and as the ancestors of the nobility. These conflicting ideas were rejected by Augustin Thierry, who stressed the oppression of the indigenous population. This was a model taken up in Italy by Manzoni, and thus became an element in Risorgimento debates about the role of outsiders in the Italian peninsula.

Against these readings, and their class and ethnic implications, a religious reading of the period developed. After the destruction of an essentially corrupt Roman World by the barbarians, civilization was restored by the Church. Although this religious interpretation continued to be expressed, in the late nineteenth century the main debate focused increasingly on the role of the Germanic peoples. For scholars caught up in the move for German reunification, the barbarians were interpreted in an increasingly nationalistic light.

In opposition to this reading, others downplayed the invasions, and instead stressed the internal weaknesses of the Roman Empire, while at the same time pointing to continuities with the post-Roman period. Of these two interpretations, the nationalist one was largely dominant in Europe through the period of the two World Wars.

Following the defeat of Germany, however, the barbarians could no longer be seen positively: they were either regarded as agents of destruction or were almost entirely ignored. In the 1970s a new emphasis on the cultural achievements of the late and post-Roman period led to a more positive reading of what came to be described as Late Antiquity, although older interpretations have been revived, in part at least in the light of discussion of the place of the United States within the world order. In other words, current political and social concerns have constantly been explored through discussion of the Fall of Rome. The historiography cannot be dissociated from its context.

Key words: Fall of the Roman Empire; the Germanic Barbarians; Historiography; Late Antiquity; Nationalism.

TRANSLATOR

Olga Kabitova – PhD-student at
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration (Moscow)
olunya93@mail.ru

EDITOR

Denis Sukhino-Khomenko – PhD-
student at Department of Historical
Studies, University Gothenburg
(Sweden)
denis.sukhino-khomenko@gu.se

Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности»

От редактора. Данная лекция прочитана профессором Вудом в качестве приглашенного лектора в Университете г. Гётеборг в ноябре 2017 г. в рамках курса «Исторические проблемы». Учитывая [лекцию профессора М. А. Бойцова в проекте «Университет Арзамас» о конце Римской Империи](#), а также сравнительно ограниченное знакомство русскоязычного читателя с трудами профессора Вуда (насколько нам известно, на русском языке доступны только два обзора: рецензия З. Ю. Метлицкой на книгу 2005 г. [«Жизнь миссионеров: святые и проповедь христианства в Европе 400–1050 гг.»](#) и рецензия И. С. Филиппова на исследование 2013 г. [«Современные основания раннего Средневековья»](#)), данный историографический очерк вызовет несомненный интерес у широкой публики. В основном изложении он следует за упомянутой выше монографией 2013 г. и затрагивает четыре национальные школы: французскую, немецкую, англо-американскую и итальянскую. К сожалению, исходный текст профессора Вуда затрагивает только историографию на английском, французском, итальянском и немецком языках, поэтому мы взяли на себя смелость по согласованию с автором дополнить его несколькими ссылками на русскоязычные работы или переводы цитируемых исследований.

* Форма транслитерации имени *Ian* («Иэн») была утверждена автором лично в процессе переписки. В тех немногих русскоязычных публикациях, где присутствуют ссылки на работы профессора Вуда, его имя также записывают как «Ян» или «Иан» (в русскоязычной литературе также можно встретить форму «Йен») — *Примеч. ред.*

«История упадка и крушения Римской империи» имеет особое значение для европейской историографии не только из-за статуса классического труда, признаваемого за шеститомником Эдуарда Гиббона. Большинство западноевропейских государств по праву или нет (чаще второе) прослеживают свое происхождение от государств-наследников римского мира. Некоторые смотрят еще

глубже в прошлое, на римские провинции, занятые варварскими правителями. Таким образом Рим и его «падение» оказывают непосредственное влияние на мифологию национальной идентичности во Франции, Италии, Испании и Англии.

В случае с немецкой самоидентификацией Рим играл иную роль. Большая часть Германии, за исключением долины Рейна, находилась за пределами римского лимеса. С другой стороны, немцы могли и даже видели себя потомками народов, которые, как считается, покорили Рим: Германия может быть представлена в качестве наследника завоевателей Римской империи¹.

До сих пор споры о «падении Рима» вращались вокруг трех главных тем: внутренняя слабость Империи, разрушения, порожденные варварами, и возвышение церкви. Неудивительно, что соответствующий акцент, придаваемый каждой из них, обычно может быть увязан с контекстом дискуссии, а также с социальными, политическими или религиозными воззрениями каждого автора.

К этим трем темам недавно добавилась еще одна: изменения климата. Было ли большое стихийное бедствие (предположительно, извержение вулкана) в южном полушарии в 536 г., последовавшее за войнами V–VI вв., причиной долгого периода голода и чумы, препятствующего политическому, экономическому и культурному возрождению Империи?² Наблюдения историков климата, несомненно, важны, и поразительно, что именно они по-новому взглянули на научную проблему «падения Рима» — эти наблюдения отражают интерес современных исследователей к климатическим изменениям. Несмотря на то, что в наши дни ни один исследователь «падения Рима» не должен обходить их стороной, в историографии эта тема не была центральной вплоть до недавнего времени, и поэтому я в основном не буду ее касаться.

«Падение Рима» и становление новых государств на имперских землях привлекали внимание ученых, теологов и политиков со времен Реформации. Прелаты спорили, был ли

1. Wood I. *The Modern Origins of the Early Middle Ages*. Oxford, 2013.

2. Little L. K. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Cambridge, 2007; Harper K. *The Fate of Rome: Climate, Disease and the End of an Empire*. Princeton, 2017.

католицизм или протестантизм истинным развитием организации, заложенной Отцами Церкви. Политические теоретики и юристы во Франции и Англии в XVI в. и в последующие века прибегали к истории Рима и его разрушителей в своих рассуждениях о деспотизме и демократии: так, в XVII в. англосаксы были эталоном для английских парламентаристов³.

3. Wood J. The Modern Origins... P. 10–13.

В целом дебатам не хватало твердой исторической основы, и до тех пор, пока не были опубликованы источники — а этот процесс шел постепенно с XVIII в., — необходимых средств для дискуссий, которые мы могли бы рассматривать как научные, не было.

Однако к началу XVIII в. их стало достаточно для ведения полемики о конце Рима на соответствующем высоком уровне, особенно во Франции⁴. Наш рассказ, следовательно, уместно начинать с этого момента. Далее я прослежу основные, с моей точки зрения, направления дебатов о «падении Рима» с 1720-х гг. и до наших дней, установив то, что можно назвать главными дискурсами каждого периода с их политическим, социальным и религиозным контекстами. Конечно, расставленные мною акценты субъективны: учитывая масштаб предмета исследования, можно создать любое количество «больших нарративов», и дальнейшее прочтение — лишь одно из возможных.

4. Nicolet C. La fabrique d'une nation. La France entre Rome et les Germains. Paris, 2003. P. 57–96.

Для Мишеля Фуко новый социально-политический дискурс ознаменовался работами французского аристократа графа Анри де Буленвилье⁵. Заложенные в этих текстах идеи не появились из ниоткуда; тем не менее, их можно рассматривать как истоки продолжающихся до сего дня споров. Был ли Рим разрушен варварами или пришел в упадок из-за собственной слабости?

5. Foucault M. Society Must be Defended. London, 2003. P. 128–197.

При истолковании исторических свидетельств эти противоположные позиции могут быть изложены в терминах «германистов» и «романистов», и оба прочтения могут носить как позитивный, так и негативный характер. Римлян можно рассматривать как стражей цивилизации или рабов деспотизма,

в то время как в завоевателях можно видеть как разрушителей, так и воскресителей Европы. Вопрос о «падении Рима» также прорабатывался и в другом ключе: имеем ли мы дело с катаклизмом или континуитетом?⁶ Кроме того, этот вопрос можно сформулировать и так, чтобы отослать к левым и правым, к националистам и антинационалистам.

Что же касается непосредственно Буленвилье, его позиция была во многих отношениях традиционной: это была критика деспотизма французской монархии. Франки разрушили Римскую империю в Галлии: в сущности, они поработили население, но между собой были равны, а власть их королей носила ограниченный характер. Их потомки стали французской аристократией, которая унаследовала права своих франкских предков, однако впоследствии монархия объединилась с низшими сословиями и ограничила права знати⁷.

Нельзя сказать, что по нынешним меркам эта позиция исторична, хотя Буленвилье провел большое количество исследований и тщательно аргументировал свою позицию. Но если она не представляется нам современной, то мнение его первого главного критика, Жана-Батиста Дюбо, несомненно, с методологической точки зрения вполне актуально и сегодня.

В своей работе 1735 г. «Критическое исследование истории становления французской монархии в Галлии» он тщательно отбирает факты из истории поздней римской и меровингской Галлии и даже в более широком смысле римского Запада, чтобы доказать, что франки отнюдь не были завоевателями⁸. Напротив, их правители, по мнению Дюбо, были признаны имперским правительством, и они, по сути, продолжили римскую государственность. Практически каждый пункт в аргументации Дюбо подкреплен знанием источников, чего нельзя сказать о Гиббоне (о котором см. ниже). На момент публикации трехтомник Дюбо по праву считался шедевром.

Однако Дюбо был озабочен проблемами своего времени почти так же, как и Буленвилье — хотя в его случае текст все же менее пронизан предубеждениями, и их можно отделить

6. Современные мнения на этот счет см. в: Halsall G. *Movers and Shakers: the Barbarians and the Fall of Rome // Early Medieval Europe*. 1999. Vol. 8. P. 132–145 (воспроизведено в: *From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / ed. by T. F. X. Noble*. New York, 2006. P. 277–291).

7. Аргументы Буленвилье разбросаны в целом ряде работ, большинство из которых не были опубликованы при его жизни. Самые важные из его тезисов можно найти в предисловии к: *Boulainvilliers H. État de la France, dans le quel on voit tout ce qui regarde le gouvernement etc.* London, 1727–1728. Vol. 1–3. О Буленвилье см.: *Ellis H. A. Boulainvilliers and the French Monarchy*. Ithaca, 1988; *Wood I. The Modern Origins...* P. 19–28.

8. *Du Bos J.-B. Histoire critique de l'établissement de la monarchie Française dans les Gaules*. Amsterdam, 1735. Vol. 3. P. 252.

от основного массива исследования. Для Дюбо непреложным фактом было отсутствие франкского завоевания, и, следовательно, не существовало привилегированного положения меровингской аристократии, которое ей приписывал Буленвилье. Однако его доводам вредила возможность трактовать их как защиту монархии, не в последнюю очередь потому, что он сам подчеркивал идею, что признание Меровингов римскими императорами придавало правителям Франции легитимности, которой не располагали Габсбурги⁹.

Трактовку Дюбо вскоре раскритиковали, прежде всего из-за ее монархического уклона. Хотя Шарль де Монтескье не воскресил положения Буленвилье в полном объеме, он вновь обратил внимание на демократический характер новоприбывших франков, особенно в своем трактате «О духе законов» 1748 г., в котором две последние книги — резкая полемика с Дюбо¹⁰. Ранее он обращался непосредственно к «падению Рима» в работе «Размышления о причинах величия и падения римлян», которая в основном являлась исследованием слабости имперского деспотизма — что было едва завуалированным анализом правления Бурбонов¹¹.

Позицию Монтескье принял и аббат Мабли в своей книге «Размышления об истории Франции», где также подчеркивался эгалитарный характер франков (в описании германцев Мабли следовал за Тацитом), но допускалось и их варварство¹². Впрочем, неудивительно, что в условиях Великой французской революции труды Монтескье и Мабли, подчеркивающие германский демократизм в противовес франкской монархии, признанной Римской империей, были более популярны, чем академические изыскания Дюбо, даже несмотря на то, что в его трактовке равенство было закреплено только за аристократией, на что обращал внимание аббат Сийес, утверждавший, что французскую знать следует отправить назад в леса Германии¹³.

Конец XVIII в. — время доминирования французской историографии в дискуссиях о «падении Рима». Она насчитывала

9. Wood I. The Modern Origins... P. 33, 36.

10. Montesquieu C. de Secondat, baron de. De l'Esprit des Loix. 1748 / éd. par J. Brethe de la Gressaye. Paris, 1961. Vol. 4.

11. Montesquieu C. Considérations sur la grandeur des Romains et de leur décadence. Amsterdam, 1734; издание XIX в.: *Idem*. Considérations sur la grandeur des romains et de leur décadence, avec Commentaires et Notes de Frédéric-le-Grand. Paris / éd. par J. Charvet. Paris, 1879; английский перевод: *Idem*. Considerations of the Causes of the Greatness of the Romans and their Decadence / transl. by D. Lowenthal. Ithaca, 1965 (русский перевод обоих упомянутых трудов Монтескье: Монтескье Ш. Л. де. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. статья М. П. Баскина, примеч. Р. С. Миндлинной. М., 1955. — Примеч. ред.).

12. de Mably G. B. Observations sur l'histoire de la France // Collection complete des Oeuvres de l'Abbé de Mably. Paris, An III = 1794/5. Vol. 1. P. 129–214.

13. Sieyès E. J. Qu'est-ce que le Tiers-état? 3e éd. Paris, 1789. P. 17–18. (не совсем точный русский перевод приводится в: Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / сост. и пер. М. Б. Певзнер. СПб., 2003. — Примеч. ред.).

множество работ, посвященных этой проблеме, и не последняя среди них — многотомник Шарля ле Бо «История поздней Империи от Константина Великого», двадцать один фолиант которой выходил с 1756 по 1779 гг.¹⁴ С историографической точки зрения французская школа создала контекст для опубликованной между 1776 и 1788 гг. книги Гиббона «История упадка и крушения Римской империи» в гораздо большей степени, чем с философской и тем более религиозной или литературной. Гиббон явным образом принадлежал к кругу французских исследователей, особенно Монтескье и Мабли.

Его анализ периода Антонинов являлся ответом на мнение первого, и он занимался созданием более позитивного взгляда на монархию¹⁵. Впрочем, политические вопросы, интересовавшие Гиббона, не волновали французов. Тем не менее, актуальные политические события, такие, как Война за независимость США, все же оставили на нем свой отпечаток. Равным образом и мятеж лорда Гордона — жестокое, направленное против католиков событие, произошедшее в Лондоне в 1780 г. недалеко от тех мест, где жил Гиббон, — вероятно, усилил его неприятие варварства и религиозного пыла¹⁶.

Хотя сейчас Гиббон оценивается выше, чем кто-либо из его предшественников или современников, признание пришло к нему далеко не сразу. В первой четверти XIX в. Франсуа Гизо (или, более вероятно, его жена) подготовил второй перевод «Истории упадка и крушения...» на французский (первые главы предыдущего перевода приписывались Людовику XVI), но впоследствии он уделял больше внимания трактовкам Мабли¹⁷. Занимая пост министра образования в 1830-х гг., Гизо так или иначе оказал влияние на целое поколение ученых. Даже в Англии Уильям Смит, королевский профессор (Regius Professor) истории в Кэмбридже, отдавал предпочтение позициям Монтескье и Мабли, а не Гиббона, которого ценил скорее за стиль, чем за историческую аргументацию. Что касается спровоцированного Гиббоном спора — он вращался скорее во-

14. *le Beau Ch. Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand. Paris, 1756–1779.*

15. *Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1776–1788* (существует несколько изданий на русском языке, например: *Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи* (в 7-ми томах) / пер. с англ. В. Неведомского; под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997–2001. — *Примеч. ред.*) *Pocock J. G. A. Barbarism and Religion. Cambridge, 1999–2010. Vol. 1–5.* Первый том особенно подробно поясняет зависимость Гиббона от Монтескье (*Wood I. The Modern Origins... P. 62, 69.*)

16. *Pocock J. G. A. Gibbon's Decline and Fall and the World View of the Late Enlightenment // Eighteenth-Century Studies. 1977. Vol. 10. №3. P. 287–303; Seed J. "The Deadly Principles of Fanaticism": Puritans and Dissenters in Gibbon's "Decline and Fall of the Roman Empire" // Reinventing History: the Enlightenment Origins of Ancient History / ed. by A. J. Bayliss, J. Moore, I. M. Morris. London, 2008. P. 87–112.*

17. *Guizot F. P. G. Essais sur l'Histoire de France (pour servir de complement aux Observations de l'Histoire de France de l'abbé de Mably). Paris, 1823* (см. также 7-е издание 1847 г.); *Wood I. The Modern Origins... P. 95–97.*

круг его нападок на христианство, нежели его понимания истории в целом¹⁸. Хотя в 1830-х гг. вышло новое издание «История упадка и крушения...» под руководством Генри Милмана, работа Гиббона получила признание в качестве исторического труда только с изданием Джона Бьюри в 1890 г. На самом деле обстоятельства были против Гиббона: он принадлежал скорее к Просвещению, чем к последовавшей затем эпохе революций.

Полемика, начавшаяся в XVIII в., тем не менее продолжалась. Наполеон признавал, что осмысление возникновения франкского королевства свидетельствовало о расколе во французском обществе, и решил преодолеть его, заказав новую историю у Франсуа Монлозье, которая должна была быть готова к коронации императора. Но Монлозье не уложился в срок. Когда он представил свою работу, она была отвергнута. Вместо того, чтобы отыскать способ объединить взгляды «германистов» и «романистов», он вернулся к доводам Буленвилье об аристократии, и ему пришлось ждать разгрома Наполеона, чтобы его история французской монархии вышла в свет¹⁹.

После публикации трактовка Монлозье встретила сопротивление, прежде всего со стороны Огюстена Тьерри. Оба они стояли главным образом на позиции «германизма» — Дюбо был все еще непопулярен. Но если Монлозье рассматривал вторжение варваров в позитивном ключе, Тьерри — почти исключительно в негативном. С его точки зрения, франки завоевали Галлию и поработили ее население: он писал как потомок поработенных, а не как представитель аристократии²⁰. Конечно, подобное прочтение было возможным еще со времен Буленвилье, и оно подразумевалось аббатом Сийесом в 1789 г. в памфлете «Что такое третье сословие?»²¹.

Но Тьерри решил поместить свое виденье в контекст английской историографии: для него образцом покорения был 1066 г., и он сам написал важную работу о Нормандском завоевании²². Более того, со временем он пришел к заключению, что идеальным форматом исторического произведения может

18. Wood I. *The Modern Origins...* P. 73. Относительно переоценки рассуждений Гиббона о религии см.: *Idem*. *The Transformation of the Roman West*. Leeds, 2018.

19. *Montlosier F. D. de Reynaud, comte de*. *De la monarchie française*. Paris, 1814–1815. Vol. 1. P. iv–v; *Gruner S. M.* *Political historiography in Restoration France // History and Theory*. 1969. Vol. 8. №3. P. 346–365 (см. страницы 346–347).

20. *Thierry A.* *Autobiographical Preface // The Historical Essays and Narratives of the Merovingian Era*. Philadelphia, 1845. P. 11. О Тьерри см.: *James E.* *The Merovingians from the French Revolution to the Third Republic // Early Medieval Europe*. 2012. Vol. 20. P. 450–471.

21. *Sieyès E. J.* *Op. Cit.*

22. *Thierry A.* *History of the Conquest of England by the Normans; its causes, and its consequences, in England, Scotland, Ireland, and on the Continent / transl. by W. Hazlitt*. London, 1847. Vol. 1–2.

быть что-то вроде исторического романа, а не фундированный труд. Это был отчасти ответ на ухудшение его собственного здоровья, поставившее крест на новых исследованиях, но также и вдохновение со стороны Вальтера Скотта²³. Результатом стали его «Рассказы времен Меровингов»²⁴, которые должны были создать популярный образ истории франков как благодаря изложенным историям самим по себе, так и с помощью серии иллюстраций, сопровождавших эту работу²⁵.

Подход Огюстена Тьерри к раннему Средневековью был очевидно классовым. Он был сыном переплетчика и подавал себя как «разночинца» или «простолюдина»²⁶. Для Маркса он был одним из основателей истории классов²⁷. В действительности более сложное социально-экономическое прочтение «падения Империи», в котором Тьерри уделял большое внимание разрыву между богатыми и бедными, было навеяно Жаком де Сисмонди, более известным в связи с его изучением итальянской и французской историй и экономическими трудами, нежели изысканиями на тему «падения Империи»²⁸.

Но и как историк Сисмонди обращался к раннему Средневековью. Кроме того, он опубликовал отдельное исследование о крушении Рима, а также роман «Юлия Севера», действие которого разворачивается во времена Хлодвига. По-видимому, оба они были написаны для его жены, Джесси Аллен, тесно связанной с семьями Веджвудов и Дарвинов²⁹. В начале взрослой жизни Сисмонди был приверженным сторонником работ Адама Смита, но его опыт жизни в Англии «излечил» его, и в своей работе о поздней Римской империи он проследил историю экономического угнетения, которая во многих отношениях столь же радикальна, как и основанная на классовом подходе трактовка Тьерри³⁰.

Представления Тьерри о классах можно равным образом рассматривать как представления о расах. Низшими классами для него были угнетаемые франками галлы. Это чувство расового разделения тем сильнее, если читать его работы параллельно

23. *Thierry A.* History of the Conquest of England by the Normans... Autobiographical Preface. P. 11.

24. *Idem.* Récits des temps mérovingiens. Paris, 1840 (английский перевод: The Historical Essays and Narratives of the Merovingian Era. Philadelphia, 1845), (русское издание: *Тьерри О.* Рассказы о временах меровингов. СПб., 1848 – *Примеч. ред.*).

25. Ряд иллюстраций напечатан в: *Murray A. C.* Gregory of Tours: the Merovingians. Peterborough, 2006.

26. *Thierry A.* Autobiographical Preface. P. 11.

27. *Foucault M.* Society Must Be Defended. P. 85, n. 6.

28. *de Sismondi S. J. C. L.* Histoire des Français; *Idem.* Histoire des Républiques italiennes du Moyen Âge – оба труда выходили в большом количестве изданий. О Сисмонди-экономисте см.: *Pappé H. O.* Sismondi's system of Liberty // Journal of the History of Ideas. 1979. Vol. 40. №2. P. 251–266; *Stewart R. E.* Sismondi's Forgotten Ethical Critique of Early Capitalism // Journal of Business Ethics. 1984. Vol. 3. P. 227–234.

29. *de Sismondi S. J. C. L.* A History of the Fall of the Roman Empire, Comprising a View of the Invasion and Settlement of the Barbarians. London, 1834. Vol. 1–2; *Idem.* Julia Sévéra ou lanquatre cent quatre-vingt-douze. Paris, 1822. Vol. 1–3. (английский перевод: Julia Sévéra, or, the year four hundred and ninety-two. London, 1822. Vol. 1–2).

30. *Stewart R. E.* Op. cit.

с текстами его брата Амадея. На деле они планировали изучать античную и раннесредневековую Галлию вместе: Амадей изучал галлов, а Огюстен должен был писать о франках³¹. Амадей и сам был одной из важных фигур во французской историографии — он фактически ввел в оборот понятие «наши предки галлы»³². Даже больше, чем его брат, он оказал влияние на расологию, поскольку его рассуждения о галлах свели его с физиологом Уильямом Эдвардсом, и таким образом он внес вклад в более поздние расовые теории³³. Вдобавок Амадей написал историю гуннов, примечательную использованными при ее создании материалами на венгерском и славянских языках³⁴.

Такому смешению расовой и классовой трактовок, доминирующему в интерпретациях позднеантичной и раннесредневековой Франции, представленной братьями Тьерри, было суждено оказать сильное влияние на итальянскую историографию.

Алессандро Мандзони познакомился с идеями Огюстена Тьерри во время поездки в Париж в 1819 г.³⁵ По его мнению, модель притеснения одного народа народом завоевателей применима непосредственно к истории раннесредневековой Италии: лангобардов можно заменить франками, а итальянцев — галлами. Более того, вопрос о расовых различиях имел в Италии более широкий отклик, чем во Франции, где в теории все были французами — и богатые, и бедные. В Италии же можно было наблюдать присутствие чужестранцев: австрийцев на севере и арагонской династии в Неаполе.

Мандзони не только принял модель Тьерри и применил ее к Италии в двух работах, «Адельчи» и «Рассуждение о некоторых моментах в истории лангобардов в Италии» (обе вышли в 1822 г.), но и тем самым сформулировал определение итальянской истории, в которой преобладал ряд завоеваний извне³⁶. За его трактовкой последовали два других самых важных историка периода Рисорджименто, изучавших раннее Средневековье, — Чезаре Бальбо и Карло Троя³⁷. Пользуясь названием более поздней работы Томаса Ходжкина, можно

31. *Thierry A.* Histoire des Gaulois, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la dominance romaine. Paris, 1828–1845. Vol. 1–3. См. также: *Idem.* Autobiographical Preface. P. 18.

32. *Lacoste C.* Les Gaulois d'Amédée Thierry // Nos ancêtres les Gaulois: Actes du Colloque International de Clermont-Ferrand / éd. par J. Ehrard, P. Viallaneix. Clermont-Ferrand, 1982. P. 203–209.

33. *Piguet M.-F.* Race chez Amédée Thierry et William F. Edwards // L'Homme. 2000. Vol. 153. P. 93–106.

34. *Thierry A.* Histoire d'Attila et de ses successeurs jusqu'à l'établissement des Hongrois en Europe: suivie des légendes et traditions. 5e éd. Paris, 1874. Vol. 1–2.

35. *Deigan F. B.* Alessandro Manzoni's The Count of Carmagnola and Adelchis. Baltimore, 2004. P. 13–14.

36. *Manzoni A.* Adelchi / a cura di M. Martelli. Firenze, 1973. Vol. 1. P. 165–227 (английский перевод: *Deigan F. B.* Alessandro Manzoni's The Count of Carmagnola and Adelchis...); *Manzoni A.* Discorsoso pra alcuni punti della storia longobardica in Italia / a cura di I. Becherucci. Milano, 2005. См. также: *Idem.* Tutte le Opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1973. Vol. 2. P. 1981–2071.

37. *Wood I.* The Modern Origins... P. 120–129.

сказать, что история итальянского полуострова стала историей «Италии и ее захватчиков». Таким образом, подчинение лангобардами Италии стало символом истории притеснения Италии внешними силами и укоренилось в интеллектуальной среде эпохи Рисорджименто.

Концепция Мандзони отличалась от концепции Тьерри в одном ключевом аспекте: его итальянцы искали спасение в папстве. Здесь у него было также разногласие с Сисмонди, для которого католическая церковь была инструментом угнетения³⁸. Тем не менее, примерно тогда же росло и ширилось сильное французское религиозное движение, оказавшее влияние на понимание ранних Средних веков и само испытывавшее влияние этой истории.

Ключевой было суждено стать фигуре Франсуа Шатобриана, но не на историческом поприще, а благодаря его роману 1809 г. «Мученики», повествующем о жизни двух христиан во времена гонений Диоклетиана³⁹. Строго говоря, Шатобриан объединил элементы самых разных периодов, от Гомера до VI в., но по сути книга была призывом к религиозному возрождению после секуляризма Революции. Воззвание Шатобриана упало на плодородную почву, особенно среди медиевистов. Наряду с трактатками в светском духе Сисмонди, братьев Тьерри, а также Гизо, появилось намного более религиозное понимание конца Римской империи, сформулированное прежде всего Антуаном Озанамом и Шарлем де Монталамбером.

Озанам не был историком раннего Средневековья как таковым — слава в академической среде к нему пришла как к историку литературы. Еще более широко он известен своей благотворительной деятельностью и ролью в основании Общества Сен-Винсент-де-Поль, посвященного призрению бедных, за которую был канонизирован в 1997 г.⁴⁰ Тем не менее, в конце своей короткой жизни он написал три примечательные работы, охватывающие близкие к «падению Рима» века⁴¹. В них он

38. *Manzoni A. Osservazioni sulla morale cattolica. Milano, 1819; см. также переиздание в: Manzoni A. Tutte le Opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1973. Vol. 2. P. 1335–1461.*

39. *de Chateaubriand F. R. Les Martyrs. Paris, 1809.*

40. О жизни Озанам см.: *Cholvy G. Frédéric Ozanam (1813–1853). L'engagement d'un intellectuel catholique au XIXe siècle. Paris, 2003.*

41. *Ozanam A. F. Études Germaniques pour servir à l'histoire des francs. Paris, 1847. Vol. 1: Les germains avant le christianisme. Recherches sur les origines, les traditions, les institutions des peuples germaniques, et sur leur établissement dans l'empire romain; Idem. Paris, 1849. Vol. 2: La civilisation chrétienne chez les francs; Idem. La Civilisation au Cinquième Siècle. Paris, 1855. Vol. 1–2 (английский перевод: *History of Civilization in the Fifth Century / transl. by A.C. Glyn. London, 1868. Vol. 1–2).**

изобразил декадентскую классическую цивилизацию, разрушенную германскими завоевателями, но хотя те играли положительную роль при очищении старого мира от скверны, они не были способны возродить цивилизацию. Эта задача выпала на долю церкви, прежде всего островной ирландской и англосаксонской. Таким образом, Озанам сформулировал идею, что после «падения Рима» Европа была во многом спасена Ирландией — идею, несколько раз возрожденную в XX в., как правило, без широкого признания.

Озанам хорошо знал раннесредневековые источники. Если сопоставить нарративы Григория Турского и Беды, то можно и впрямь выдвинуть объяснение, в котором Ирландия и Англия возродили религиозно-культурную жизнь континента, хотя есть множество других текстов, подрывающих прямолинейность и упрощение такого понимания. Впрочем, Озанам был воодушевлен обстановкой, в которой он творил: как и Шатобриан, он жаждал возрождения католицизма и в работе с бедными сам способствовал этому возрождению. Но наиболее заметный религиозный успех во второй четверти XIX в. имел место в Ирландии, где Дэниэл О'Коннелл продвигал движение католической эмансипации⁴².

Конечно, Озанам держал это в уме. Данное обстоятельство было даже еще более важным для Монталамбера, подростком отправившегося в Ирландию в 1829 г., чтобы предложить свои услуги О'Коннеллу. Не зная, чем помочь, он решил написать историю Ирландии, что так никогда и не осуществил: после появления работы Джона Ланигана в 1822 г., необходимость в таком начинании была неактуальной⁴³. Тем не менее, сорок лет спустя Монталамбер создал огромный труд «Монахи Запада»⁴⁴, в начале которого внимание уделяется не столько св. Бенедикту, сколько ирландцу Колумбану, чье путешествие на континент в 590 г. рассматривается им как ключевой момент в торжестве западного монашества.

42. *Montalembert C. F. R., comte de. Journal intime inédit / éd. par L. le Guillou, N. Roger-Taillarde. Paris, 1990. Vol. 2. P. 58–109. См. также: Wood I. The Fall of Rome and its Aftermath from the Eighteenth to the Early Twentieth Centuries // Writing a Small Nations Past / ed. by N. Evans, H. Pryce. Farnham, 2013. P. 239–252 (см. страницы 249–250).*

43. *Lanigan J. An Ecclesiastical History of Ireland. Dublin, 1822. Vol. 1–4.*

44. *Montalembert C. F. R., comte de. Les moines d'Occident. Paris, 1860–1877. Vol. 1–7 (английский перевод: Monks of the West from St Benedict to St Bernard / transl. by M. Oliphant. Edinburgh, 1867. Vol. 1–6.*

До сих пор мы рассматривали в основном (хотя не исключительно) французскую историографию. В Германии академическое сообщество до поры до времени не производило на свет заметных научных работ на данную тему. До третьего десятилетия XIX в. немецкий вклад в изучение «падения Рима» и варварских завоеваний был сравнительно незначительным. Гиббон не читал по-немецки, но не испытывал в этой связи серьезных затруднений: единственное большое исследование германских племен, вышедшее в Германии в XVIII в. за авторством Иоганна Маскова, было доступно на английском языке в переводе Томаса Лэдиарда⁴⁵. Другим значительным вкладом была работа Юстуса Мёзера об организации землепользования, представившая модель для истории социальной организации в далеком прошлом⁴⁶.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что до того времени немцы не вступали в споры о «падении Рима». Хотя германские народы были к нему причастны, они действовали вне Германии. Более того, сама Германия не существовала как политическое объединение до конца XIX в. И все же раннее Средневековье сыграло свою роль в развитии немецкого самосознания.

Наполеоновское правление в Центральной Европе с его акцентом на кодексе гражданского права, основанном на римском праве, заставил ряд ученых оглянуться назад на неримское прошлое территорий к востоку от Франции. Фридрих Савиньи сосредоточился на изучении законодательства, в основном римского⁴⁷. Генрих Ф. К. фон Штейн обратился к нарративным источникам средневекового германского мира, основав знаменитые «*Monumenta Germaniae Historica*», чтобы подготовить новые издания этих текстов⁴⁸. Эта идея не была полностью новой, так как другие страны, в частности Дания, уже имели подобные серии⁴⁹.

Хотя «*Monumenta Germaniae Historica*» сегодня являются стандартом в издании раннесредневековых источников, до 1870-х гг. они таковым не были. Изначально во многом бо-

45. *Mascov J. J. Geschichte der Teutschen bis zum Anfang der fränkischen Monarchie. Leipzig, 1726–1737* (английский перевод: *The History of the Ancient Germans, including that of the Cimbri, Celtae, Teutones, Alemanni, Saxons, and other Northern Nations, who overthrew the Roman Empire and established that of the Germans, and most of the Kingdoms of Europe / transl. by T. Lediard, Late Secretary to his Majestys Envoy Extraordinary in Lower Germany. London, 1737–1738. Vol. 1–2*).

46. *Möser J. Osnabrückische Geschichte. 2. Ausg. Osnabrück, 1780*. См. также: *Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. 2. aus. Wien, 1923–1924*. Сокращенный перевод на английский: *Dopsch A. The Economic and Social Foundations of European Civilization. London, 1937. P. 5–6* (о вкладе Мёзера в дальнейшую историографию земледельческой общины через посредничество Карла Маркса см. *Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016. С. 27–35*. Стоит отметить, однако, что критическое мнение Алаева не является общепринятым в отечественной науке. — *Примеч. ред.*).

47. *von Savigny F. C. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. 2. Ausg. Heidelberg, 1834–1851. Bd. 1–7*.

48. *Bresslau H. Geschichte der Monumenta Germaniae Historica // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1921. Vol. 42*.

49. *Bjork R. E. Nineteenth-century Scandinavia and the Birth of Anglo-Saxon Studies // Anglo-Saxonism and the Construction of Social Identity / ed. by A. J. Frantzen, J. D. Niles. Gainesville, 1997. P. 111–132* (см. страницу 117).

лее важной была работа филологов и прежде всего братьев Гримм. Особое значение имел интерес Якоба Гримма к «Беовульфу», текст которого впервые был опубликован Гримуром Торкелином в 1815 г. Торкелин рассматривал произведение как датское, но для Гримма это был абсурд: в его глазах произведение было «немецким»⁵⁰, и то был вопрос высокой важности, поскольку считалось, что большая часть сюжета «Беовульфа» разворачивалась в Южной Ютландии, и события все чаще относили к V–VI вв. Утверждать, что поэма была немецкой, значит утверждать, что Шлезвиг-Гольштейн был немецким с эпохи Великого переселения народов. Тем самым споры о «Беовульфе» непосредственно способствовали решению вопроса Шлезвиг-Гольштейна, а вместе с тем — и объединению Германии.

В 1860-х и особенно в 1870-х гг. наложение ранней средневековой истории на современную политическую ситуацию достигло апогея. Как мы могли видеть, понимание Мандзони вторжения лангобардов находилось под влиянием и подпитывалось Рисоджименто. Ощущение германского прошлого было фактором в объединении Германии, несмотря на отвержение Бисмарком ценности истории.

В преддверии войны между Францией и Пруссией в 1870 г. историк Античности Теодор Моммзен призвал итальянцев не принимать ни одной из сторон. Его французский коллега, Фюстель де Куланж, осудил вмешательство Моммзена в недвусмысленных выражениях⁵¹. Что более важно для историографии позднеимперского и раннесредневекового периодов — после завершения франко-прусской войны Фюстель занялся изучением ранних Средних веков, разгромив немецкое научное сообщество в серии статей и предложив любопытное переосмысление постримского периода во Франции, в котором он изобразил феодализм как развитие римской патрон-клиентской системы⁵². Во многих отношениях его соображения были возрождением идей Дюбо, изложенных им за сто пятьдесят лет до того, но под социальным углом зрения.

50. Данный спор лучше всего освещен в: *Haarder A., Shippey T.A. Beowulf: the critical heritage.* L., 1998. См. также: *Wood I. The Modern Origins...* P. 161–168.

51. *Mommsen T. Agli Italiani // Quaderni di Storia.* 1976. Vol. 4 / a cura di G. Libera. P. 197–247. Ответ Фюстеля переиздан в: *Hartog F. Le XIXe siècle et l'histoire: Le cas Fustel de Coulanges / 2e éd.* Paris, 2001. P. 398–404; *Geary P. Historians as Public Individuals (The Reuter Lecture 2006).* Southampton, 2007.

52. *de Coulanges F. N. D. Histoire des Institutions Politiques de l'ancienne France.* Paris, 1874–1892. Vol. 1–6. (русский перевод: *Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции* (в 6-ти томах) / пер. с фр. И. М. Гревса. СПб., 1901–1916; более подробно по данной теме на русском языке см.: *Гутнова Е. В. Фюстель де Куланж и его концепция генезиса феодализма // Средние века.* 1972. Т. 35. С. 255–280. — *Примеч. ред.*); см. *Hartog. F. Le XIXe siècle et l'histoire...*; *Wood I. The Modern Origins...* P. 176–188.

Фюстель не был единственным исследователем раннего Средневековья, на кого повлияла франко-прусская война. Габриэль Моно управлял своей собственной санитарной службой скорой помощи при Седане⁵³. В отличие от Фюстеля, он был больше склонен рассматривать немцев в позитивном ключе (возможно, отчасти потому, что большая часть его интеллектуальной подготовки прошла в Германии), за что Фюстель так и не простил его. Также при Седане был немецкий историк Феликс Дан, но уже как участник военных действий. Его огромное исследование «Короли германцев» является моделью конституционной истории XIX в. (*Verfassungsgeschichte*) и было скрупулезным сведением информации о деятельности раннесредневековых королей⁵⁴. К его большому неудовлетворению, источники отразили не германскую традицию, а римскую преемственность. Но вместо того, чтобы опровергать источники, он изложил их данные в научной работе, а собственные размышления о германской реальности представил в романе «Битва за Рим», который начал в 1860-х гг. как критику Наполеона III, Жозефины и Пия IX, но закончил в 1876 г. как духоводъемное утверждение немецкого патриотизма, хотя в тексте также отразились сетования на неудачи Австрии против французов⁵⁵. «Битва за Рим» оказала влияние на аудиторию большее, чем какая-либо другая работа о раннем Средневековье: это был второй по популярности роман в Германии в XIX в. и в 1914 г., увы, он стал обычным подарком к церковному обряду конфирмации для немецких юношей из-за его превознесения любви к отечеству над другими достоинствами⁵⁶.

Прежде, чем мы продолжим рассматривать историографию «падения Рима» в период Первой мировой войны и далее, стоит обратить внимание на Британию. После выхода работы Гиббона позднеримская и постримская история не снискала популярности. Церковная история раннего периода была предметом некоторого интереса и использовалась консервативными англи-

53. *Monod G. Allemands et Français, souvenirs de champagne. Paris, 1871.*

54. *Dahn F. Könige der Germanen. Leipzig, 1861–1911. Bd. 1–13.*

55. *Frech K. Felix Dahn. Die Verbreitung völkischen Gedankenguts durch den historischen Roman // Handbuch zur "Völkischen Bewegung" 1871–1918 / hrsg. von U. Puschner, W. Schmitz, J. H. Ulbricht. München, 1996. S. 685–698 (см. страницу 694); Wood I. The Modern Origins... P. 194.*

56. *Neuhaus S. Literatur und nationale Einheit in Deutschland. Tübingen, 2002. S. 232.*

канскими теологами, известными как трактарианцы, например, Джоном Ньюманом, и либеральными англиканами в 1850-х гг. (примером является прежде всего роман «Ипатия» Чарльза Кингсли⁵⁷). Точно так же существовала традиция изучения англосаксонского прошлого, уже имевшая некоторое значение в 1790-х гг. Успехи на данном поприще были связаны с поступательным изучением древнеанглийского языка, не в последнюю очередь в результате работы братьев Гримм, послужившей вдохновением, в частности, для Джона Митчелла Кембла⁵⁸.

Для Томаса Арнольда и Эдуарда Фримена англосаксы были героями, победившими и отбросившими своих противников-бриттов⁵⁹, а для последнего также была очевидной связь между бриттами и современными французами⁶⁰. Его трактовка была даже более расистской, чем у братьев Тьерри, что вызвало ужас у его коллеги, филолога Макса Мюллера, который настаивал, что существует разграничение между языком и расой, в то время как Фримен рассматривал язык как определяющий фактор расовой принадлежности⁶¹. Стоит помнить, что Фримена читали больше, чем Гобино, чье «Эссе о неравенстве человеческих рас» на самом деле объединяет длинную дискуссию о «падении Рима»⁶²: во второй половине XIX в. о доминировании арийских рас было лучше известно именно из сочинений Фримена, а не из «Эссе» Жозефа Гобино.

Фримен упивался поражением Наполеона III, но свержение императора оказало и более тонкое влияние на английскую ученую мысль. В XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. «империя» была синонимом Франции — сперва Бурбонов, затем Наполеона и его внука, и эта взаимосвязь, кажется, имела ограничивающее влияние на изучение римского прошлого. Интерес к классическому периоду, однако, расцвел после падения Наполеона III. Рим отныне стал образцом для Британии, готовившей своих чиновников для разбросанных по миру колоний: писатели стали обращаться к «падению Рима» в поисках предостережения⁶³.

57. Kingsley Ch. *Hypatia or New Foes with an Old Face*. London, 1853 (русский перевод: Кингсли Ч., *Маутнер Ф. Ипатия* / вступ. ст. П. Ф. Преображенского. Харьков, 1994. — *Примеч. ред.*). Контекст, в котором писал Кингсли, хорошо изложен в: Goldhill S. *Victorian Culture and Classical Antiquity. Art, Opera, Fiction and the Proclamation of Modernity*. Princeton, 2011. P. 203–207 — хотя оценка Кингсли в этом издании нелицеприятна (см. Wood I. *The Modern Origins...* P. 149–153).

58. Dickens B. John Mitchell Kemble and Old English Scholarship // *Proceedings of the British Academy*. 1939. Vol. 25. P. 51–84; Ackerman G. P. Kemble J. M. and Sir Frederic Madden: "Conceit and too much Germanism?" // *Anglo-Saxon Scholarship: the first three centuries* / ed. by C. T. Berkhout, M. McC. Gatch. Boston, 1982. P. 167–181.

59. Wood I. *The Modern Origins...* P. 200–202.

60. Freeman E. A. *Teutonic Conquest in Gaul and Britain* // *Four Oxford Lectures 1887: Fifty Years of European History. Teutonic Conquest in Gaul and Britain*. London, 1888.

61. Freeman E. A. *Race and Language*. Статья впервые опубликована в *Contemporary Review* (February 1877) и *Fortnightly Review* (January 1877), перепечатана в: *Historical Essays. Third Series*. 2nd ed. P. 176–230; Wood I. *The Modern Origins...* P. 207.

62. Gobineau J. A., *comte de*. *Essai sur l'inégalité des races humaines*. 4e éd. Paris, 1920. Vol. 1–2. О читателях: *Idem*. *Mademoiselle Irnois and other stories* / ed. and transl. by A. and D. Smith. Berkeley, 1988. P. 12, 292, n. 13.

63. Hingley R. *Roman Officers and British Gentlemen. The Imperial Origins of Roman Archaeology*. London, 2000 (особенно страницы 19–22).

Нет работы более странной, чем «Упадок и падение Британской империи: краткое изложение тех причин, которые привели к уничтожению нашего бывшего союзника, а также сравнение Британской и Римской империй. Утверждено для использования в Национальных школах Японии. Токио, 2005»⁶⁴. Несмотря на название, она принадлежала не японскому исследователю XXI в., а английскому историку Эллиоту Миллсу и вышла в 1905 г. При всей своей странности она отражала растущее ощущение, что история Рима актуальна для истории викторианской Британии.

Но хотя чувство актуальности означало, что главным образом изучение Рима было приспособлено к обучению руководящих классов новой империи, часть проведенных исследований была высокого качества. Можно отметить книгу «Италия и ее захватчики» Томаса Ходжкина, во многих отношениях удивительно проработанный ответ на тезис Мандзони, в котором Ходжкин признавал больше заслуг за варварами⁶⁵. Еще более впечатляют изыскания ирландца Джона Багнелла Бьюри, твердо верившего, что история должна быть научной⁶⁶. В своих двух попытках написать историю поздней Римской империи он объединил владение источниками с акцентом на причинно-следственной связи, которую он рассматривал как в значительной степени вопрос естественного развития⁶⁷. Его следование фактам и эмпиризм способствовали тому, что его работы сохранили бóльшую актуальность, чем большинство других, и они нелегко вписываются в дискурсы его собственного времени, хотя он был глубоко вовлечен в современную ему политику и ангажированную эксплуатацию истории в политическом дискурсе, как можно видеть наиболее ясно по его критике Германии по вопросу войны в 1914 г.⁶⁸

Исследования постримского периода по южную сторону Ла-Манша, в Бельгии, были более явно связаны с их контекстом, чем штудии Бьюри. 1880 год отметил пятидесятилетие годовщину королевства, созданного из Фландрии и Валлонии.

64. *Mills E. E.* The Decline and Fall of the British Empire: a brief account of those causes which resulted in the destruction of our late ally, together with a comparison between the British and Roman Empire. Appointed for use in the National Schools of Japan. Tokio, 2005. Oxford, 1905.

65. *Hodgkin T.* Italy and her Invaders. Oxford, 1880–1899. Vol. 1–8.

66. *Bury J. B.* The Science of History // Selected Essays of J.B. Bury / ed. by H. W. V. Temperley. Cambridge, 1930. P. 3–22.

67. *Idem.* A History of the Later Roman Empire: from Arcadius to Irene (385 A.D. to 800 A.D.). London, 1889. Vol. 1–2; *Idem.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the death of Justinian. London, 1923.

68. *Idem.* Germany and Slavonic Civilisation. London, 1914.

Последние десятилетия XIX в. также заметны попытками создать общепринятую историю возникновения страны. Для Годфруа Курта они заключались в расселении германских народов и христианской истории ранних франков, и Хлодвиг, Клотильда и Бонифаций стояли в центре его исследований⁶⁹. Как мы увидим ниже, его внимание к поселениям, известным из топонимов и археологии, было опасным⁷⁰.

Менее однозначным историком, чем Курт, был его ученик Анри Пиренн. Он начал писать историю Бельгии, по иронии судьбы (как потом оказалось), по просьбе историка культуры Карла Лампрехта⁷¹. Для Пиренна тем, что создало прочное единство Бельгии, были ее крупные средневековые города, происхождение которых он мог проследить вплоть до X в. Но особенно его интересовала более ранняя история. Уже в 1895 г. он отметил, что классический город пережил наступление германских племен и был разрушен только тогда, когда Средиземное море стало «мусульманским озером»⁷². Превращения этой мысли в основополагающий тезис, однако, пришлось ждать до окончания Первой мировой войны.

Пиренн был деятельным сторонником германской учености. Его отношение изменится в следующие два года, с 1916 по 1918 г., которые он провел сначала в концентрационном лагере, а после под наблюдением сначала в Йене и позже в Крейцфельде⁷³. Его арестовали за отказ преподавать в оккупированной немцами Бельгии на фламандском, а не на французском. После войны он заявил, что осознал тогда, что никогда по-настоящему не понимал своих коллег из Германии. Очевидно, он никогда не понимал своего старого друга Лампрехта, назначенного ответственным за культурные памятники Бельгии после ее захвата Германией. Ощущение предательства было огромным. Но и для Лампрехта, похоже, было шоком обнаружить, что бельгийская интеллигенция вовсе не желала становиться немецкой. Он умер при странных обстоятельствах всего через две недели после того, как брюссельский историк

69. Kurth G. Clovis, le fondateur. Tours, 1896. Vol. 1–2; *Idem*. Sainte Clothilde. Paris, 1912 (английский перевод: *Idem*. Saint Clotilda / transl. by V. M. Crawford. London, 1898); *Idem*. Saint Boniface (650–755). Paris, 1902 (английский перевод: *Idem*. Saint Boniface (650–755) / transl. by V. Day. Milwaukee, 1935). См. также: *Idem*. Études franques. Paris, 1919. Vol. 1–2; *Idem*. Histoire poétique des Mérovingiens. Paris, 1893.

70. *Idem*. La Frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de la France. Brussels, 1896–1898. Vol. 1–2.

71. Lyon B. The letters of Henri Pirenne to Karl Lamprecht (1894–1915) // Bulletin de la Commission Royale d'Histoire. 1966. Vol. 132. P. 161–231.

72. Pirenne H. L'origine des constitutions urbaines au Moyen Âge // Revue historique. 1895. Vol. 57. P. 57–98, 293–327.

73. *Idem*. Souvenirs de captivité en Allemagne (Mars 1916 – Novembre 1918) // Revue des Deux Mondes. 1920. Vol. 55. P. 539–560, 829–850. Перепечатано в виде брошюры в Брюсселе в 1920 г.

Гийом де Марез недвусмысленно дал ему понять, что не рад его появлению в бельгийской столице⁷⁴.

Пиренн пережил войну чрезвычайно благополучно. Пятый Конгресс исторических наук должен был состояться в Санкт-Петербурге в 1918 г, но по понятным причинам его отменили. Вместо этого заседание провели в Брюсселе в 1923 г., и Пиренн выступал в качестве председателя. Тогда он пересмотрел собственную идею, что средиземноморский мир продолжал быть римским после вторжения варваров⁷⁵. Тот Конгресс был исключительным: многие из основных положений, главенствовавшие в науке в середине XX в., были изложены именно в ходе этой встречи⁷⁶. Немецкоязычная научная школа не была представлена: немцы были отстранены от участия, и в знак протеста австрийцы также отказались от участия. Самый известный из них, Альфонс Допш, в действительности разделял многие идеи Пиренна, и оба публично воссоединятся на следующем Конгрессе, прошедшем в Осло в 1928 г.⁷⁷

В серии статей, опубликованных в одно время с заседаниями Конгресса в Брюсселе, Пиренн критиковал немецкую науку, немало повторяя нападки Фюстеля после 1870 г.⁷⁸ На самом деле оба ученых мужа имели много общего, хотя именно Допшу пришлось признать степень влияния Фюстеля⁷⁹. Во Франции, напротив, Фюстеля в значительной мере игнорировали, но скорее по политическим, чем по научным причинам. В 1905 г. Шарль Моррас организовал национальный праздник по случаю семьдесят пятого юбилея Фюстеля — как критика немцев после франко-прусской войны его могли уважать за патриотизм⁸⁰. К сожалению, Моррас оказался противоречивой фигурой: поскольку он был правым, впоследствии приговоренным к смертной казни за свою роль в правительстве Виши, он не нравился перспективным левым ученым, особенно Марку Блоку и Люсьену Февру, и поддержка Морраса для репутации Фюстеля стала фактически смертным приговором.

74. *van Werveke H.* Karl Lamprecht et Henri Pirenne // *Bulletin de la Commission Royale d'Histoire*. 1972. Vol. 138. P. 39–60 (см. страницы 44–47 и 57–58).

75. *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne // *Revue Belge de philologie et d'histoire*. 1922. Vol. 1. P. 77–86.

76. *Compte-rendu du cinquième Congrès international des Sciences historiques / éd. par F.L. Ganshof, G. des Marez*. Brussels, 1923.

77. *Violante C.* La fine della grande illusione: Uno storico europeo tra guerra e dopoguerra, Henri Pirenne (1914–1923): Per una rilettura della "Histoire de l'Europe". Bologna, 1997. P. 305.

78. *Pirenne H.* Le pangermanisme et la Belgique // *Bulletin de l'Académie royale de Belgique, Classe des Lettres*. 1919, №5. P. 3–35; *Idem.* L'Allemagne moderne et l'Empire romain du moyen âge // *Discours prononcé à l'ouverture des cours de l'Université de Gant*. Gant, 1921; *Idem.* De l'influence allemande sur le mouvement historique contemporain // *Scientia*. 1923. P. 173–178; см. *Violante C.* La fine della grande illusione... О Фюстеле см.: *Hartog F.* Le XIXe siècle et l'histoire... P. 54–102.

79. *Dopsch A.* The Economic and Social Foundations... P. 20–22.

80. *Hartog F.* Le XIXe siècle et l'histoire... P. 171–186.

Пятый Конгресс исторических наук ознаменовал триумф негерманской науки. Поражение в войне также наложило отпечаток на изучении раннего Средневековья. Со времен братьев Гримм сохранялось стойкое ощущение важности IV–VI вв. для Германии. Под пером Дана остготы стали образцом для немецких патриотов. Немного не к месту кайзер призвал германские войска, выступавшие из Бремерхафена на подавление восстание ихэтуаней в Китае, вести себя подобно гуннам⁸¹ — в дальнейшем этот образ закрепился в более поздних изображениях германцев. Если говорить более серьезно, Густав Коссина развил метод Гриммов, объединив лингвистику и археологию для определения германской прародины и обоснования политических притязаний на территории, которые, следовательно, должны быть немецкими⁸². Потрясенный Версальским договором, он писал в защиту немецкой оккупации большей части Польши, основываясь на своих трактовках археологических данных⁸³.

Одновременно с растущим чувством превосходства арийской расы, возникшим вместе с расовыми теориями XIX в., археология и тоска по утерянным землям были мощной движущей силой в германской науке после 1918 г. Данный вывод следует, прежде всего, из основания ряда археологических институтов, главный интерес которых был направлен на период Великого переселения народов⁸⁴. В 1920 г. был создан Институт исторического краеведения Рейнской земли в университете Бонна (Institut für geschichtliche Landeskunde der Rheinlande an der Universität Bonn). В следующем году был основан Научно-исследовательский институт Эльзаса-Лотарингии в Германской империи во Франкфуртском университете (Wissenschaftliches Institut der Elsaß-Lothringer im Reich an der Universität Frankfurt). Продолжение последовало в 1931 г. с появлением Рейнского научного сообщества (Rheinische Forschungsgemeinschaft). Эти организации, а так-

81. Существует доступный перевод на английский официальной и неофициальной версий выступления кайзера на сайте http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=755

82. Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Method eder Siedlung-sarchäologie. Würzburg, 1911; *Idem*. Die deutsche Vorgeschichte: eine hervorragend nationale Wissenschaft. Würzburg, 1914.

83. Kossinna G. Die deutsche Ostmark. Kattowitz, 1919. Перепечатано в: *Idem*. Das Weichselland, ein uralter Heimatboden der Germanen. Danzig, 1919.

84. По этому вопросу смотри обширное исследование: *Fahlbusch M.* Wissenschaft im Dienst der nationalsozialistischen Politik? Die Volksdeutschen Forschungsgemeinschaften von 1931–1945. Baden-Baden, 1999. Более короткий обзор: *Wood I.* The Modern Origins... P. 248–249.

же некоторые другие были позже включены в Западногерманское научно-исследовательское сообщество (Westdeutsche Forschungsgemeinschaft). Центральное место в деятельности этих институтов занимал вопрос, что представляла собой территория германцев, и это было особенно очевидно в случае с Франкфуртским институтом, изучавшим Эльзас-Лотарингию, то есть регион, отошедший Франции после Версальского договора.

Среди ученых, посвятивших себя исследованию вопроса о том, какие земли в древности были германскими, были Франц Штейнбах и Франц Петри. В 1939 г. они вместе выпустили небольшой том «К основанию европейского единства франками», который, по существу, состоял из двух уже вышедших статей⁸⁵. Вклад Петри был в общем-то повторением его идей из его же работы «Наследие германского народа в Валлонии и Северной Франции», опубликованной в 1937 г.⁸⁶ В ней он следовал за моделью Коссины, в которой топонимы и археология соединялись для определения на карте расположения германских поселений в ранние Средние века. Она была охотно принята в качестве перечня «по праву» немецких земель, и Гитлер именно так и использовал эти карты⁸⁷. Поскольку это означало, что Бельгия считалась частью «германского мира», едва ли удивительно, что Петри был назначен надзирать за культурной политикой на занятых территориях, подобно Лампрехту в 1915 г.⁸⁸ В течение 1939–1945 гг. наука и оккупация шли рука об руку и на других территориях, не в последнюю очередь в Эльзасе-Лотарингии, Франш-Конте и Бургундии — все они рассматривались фактически как часть Рейха на основании предполагаемой модели расселения германцев⁸⁹.

Италия поставила перед немецкими учеными совершенно иную задачу. Безусловно, они были очень заинтересованы в ней в связи с остготским и лангобардским правлением, и действительно, под влиянием Зигфрида Фукса Германский археологический институт в Риме усиленно занялся изучением германских древностей на итальянском полуострове⁹⁰.

85. Petri F., Steinbach F. Zur Grundlegung der europäischen Einheit durch die Franken, Deutsche Schriften zur Landes- und Volksforschung. Leipzig, 1939.

86. Petri F. Germanisches Volkserbe in Wallonien und Nordfrankreich. Bonn, 1937. Bd. 1–2.

87. Wood I. The Modern Origins... P. 258.

88. *Ibid.* P. 258.

89. *Ibid.* P. 258–261.

90. Fröhlich T. The study of the Lombards and the Ostrogoths at the German Archaeological Institute of Rome, 1937–1943 // *Fragmenta*. 2008. Vol. 2. P. 183–213.

Фукс был крупным археологом и историком искусства, а также особо преданным нацистом, в конечном итоге схваченным в Бергамо с парабеллумом в руках. Его карьера примечательна, поскольку он был одним из немногих германских ученых, кто так и не восстановился в академическом сообществе после 1945 г. Конечно, как самому значимому союзнику Германии Италии не угрожали войска Гитлера, и более того, Муссолини был готов отнестись с пониманием к немецкому интересу к остготским и лангобардским поселениям в Италии, поскольку его собственные амбиции затрагивали гораздо более древнее римское прошлое⁹¹.

Поражение Германии в 1945 г. во многих отношениях сделало их интерес к ранним Средним векам неприемлемым. Вместо увлечения германским прошлым немецкие ученые сразу после войны обратились к либо к классическому Риму, включая его упадок («Закат античного мира»⁹²), либо к позднему Средневековью. Лишь некоторые исследователи продолжили работу над раннесредневековым периодом: прежде всего им занимался Евгений Эвиг, старательно сторонившийся политики во время войны⁹³. В Италии же из-за Муссолини проблематичным стало именно изучение классического прошлого, а не ранних Средних веков, хотя некоторые важные изыскания о лангобардском прошлом уже проводились Жаном Пьеро Боньетти⁹⁴, а Габриэль Пепе поместил варварскую Европу в центр своей полемики⁹⁵. В результате исследования раннего Средневековья процветали в Италии в 1950-х гг. как никогда раньше, даже при Мандзони, Троя или Бальбо. Самое очевидное проявление этого интереса — основание Итальянского центра изучения Средневековья (Centro Italiano di studi sull'alto medioevo) в 1952 г.⁹⁶ Три года спустя последовало решение создать Музей Средневековья (Museo dell'alto medioevo), хотя он открылся только в 1967 г.⁹⁷

Реакция франкоязычных исследователей на кризис 1930-х и 1940-х гг. была более сложной, чем их немецких или ита-

91. *Nelis J.* Constructing Fascist identity: Benito Mussolini and the Myth of Romanità // *Classical World*. 2007. Vol. 100. P. 391–415; *Jansen C.* Warum es in Italien keine Volksgeschichte wie im "Dritten Reich" gab: Zum Verhältnis von Geschichtswissenschaft und fascistischem Regime // *Volksgeschichten im Europa der Zwischenkriegszeit* / hrgs. von M. Hettling. Göttingen, 2003. S. 120–146.

92. *Seeck O.* Untergang der antiken Welt. Berlin, 1895; 1901. Bd. 1–2. О немецкой школе антиковедения см.: *Marchand S. L.* Down from Olympus: archaeology and philhellenism in Germany, 1750–1970. Princeton, 1996.

93. *Werner K. F.* Zum Geleit // *Spätantikes und fränkisches Gallien* / hrsg. von E. Ewig. München, 1976. Bd. 1. S. 9–11; *In Memoriam Eugen Ewig*. Bonn, 2007. (Alma Mater: Beiträge zur Geschichte der Universität Bonn; 101).

94. Его тексты собраны в: *Bognetti G. P.* Letà longobarda. Milano, 1966–1968. Vol. 1–4.

95. *Berto L. A.* Da "prodotto" del "Fascist period" (2009) alla publicazio nepresso Einaudi (1941) e alla "bocciatura" della Reale Accademia d'Italia (1942). Un percorso nelle "molte" vite del Medio Evo barbarico d'Italia di Gabriele Pepe // *Mediterranean Chronicle*. 2014. Vol. 4. P. 168–217.

96. Omaggio al medioevo. I primi cinquanta anni del Centro italiano di studi sull'alto medioevo di Spoleto. Spoleto, 2004.

97. *Arena M. S., Paroli L.* Museo dell'Alto medioevo Roma. Roma, 1993.

льянских коллег. Для многих французов события 1930-х гг. были отголоском «падения Рима»: в обоих случаях германцы разрушили цивилизованную Европу. Косвенно и явно параллель прослеживается в трудах Андре Пиганьоля, для которого Римская империя была «убита» варварами⁹⁸, и Андре Лойена, рассматривавшего события конца V в. в терминах «сопротивления» и «коллорабационизма»⁹⁹. Немногие были готовы доброжелательно изобразить хотя бы какую-нибудь группу германцев: самым известным исключением был Кристиан Куртуа, чья короткая научная карьера прошла в Тунисе, что, конечно, отразилось на его способности благосклонно смотреть на германских варваров, особенно на вандалов¹⁰⁰.

Более важной и политически деятельной фигурой был Анри-Иренэ Марру¹⁰¹. Он уже заявлял о своем неприятии тоталитаризма в 1930-х гг., жестко критикуя Муссолини, а во время войны, будучи профессором в Лионе, он принимал активное участие в движении Сопротивления; более того, он помогал евреям бежать в нейтральную Швейцарию. Политика для него была так же важна, как религиозные убеждения, и наибольший вклад он внес в изучение религиозной культуры поздней Античности, прежде всего в своей работе «Святой Августин и конец культуры Античности» 1938 г., которая была переиздана с изменениями (*Retractatio*) в 1949 г.¹⁰² Для Марру как ни странно классическая культура умерла еще до прихода варваров, ее интеллектуальные традиции угасали не в последнюю очередь из-за ее образовательной системы. Ключевым для него было значение декаданса, взятое у Верлена¹⁰³, хотя он мог найти его и у Монтескье или Озанама. В его глазах Рим, как и Европа XX в., был уже декадентским к моменту падения. Такова была картина, которую он несколько изменил со временем, признав, что традиция патристики была интеллектуально более захватывающей, чем он первоначально полагал, и даже в конце своей жизни допуская, что было что-то жизнеспособное в культуре поздней Античности¹⁰⁴.

98. *Piganiol A. L'empire chrétien (325–395). Paris, 1947. P. 422.*

99. *Loyen A. Résistants et collaborateurs en Gaule à l'époque des grandes invasions // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1963. Vol. 22. P. 437–450.*

100. *Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.*

101. *Riché P. Henri Irénée Marrou, historien engagé. Paris, 2005.*

102. *Marrou H. I. Saint Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1938 (второе издание вышло в Париже в 1949 г.).*

103. *Idem. Saint Augustin et la fin de la culture antique. 2e éd. Paris, 1949; "Retractatio", P. 664.*

104. *Idem. Décadence ou antiquité tardive? IIIe–VIe siècle. Paris, 1977.*

До 1940 г. более позитивные трактовки поздне- и постримской церкви встречались у двух англоговорящих ученых: канадца Чарльза Норриса Кокрейна, видевшего в Августине решительный шаг к современному гуманизму¹⁰⁵, и эрудита Кристофера Доусона, по факту пересмотревшего рассуждения Озанам в своей монографии 1932 г. «Создание Европы»¹⁰⁶. Для Доусона именно церковь спасла цивилизацию после падения Рима, и прежде всего Британские острова, придавшие новый импульс континенту и создавшие основания европейской культуры. Доусон всегда оглядывался на современность: как и Озанам (у которого он, возможно, позаимствовал свои идеи без ссылок)¹⁰⁷, он надеялся, что Европу может спасти христианское возрождение. Таким образом, он делал акцент не на Риме или варварах, а на церкви. Эта аргументация привлекла некоторое внимание в 1930-х гг. и в особенности после 1945 г., когда образ объединенной Европы получил особый отклик. По существу, его работа появилась во французском переводе после войны, а довоенный немецкий перевод обрел новых читателей¹⁰⁸.

Но даже если Доусон «попал в яблочко» в 1950-х гг., едва ли можно было утверждать, что в 1950-х и 1960-х гг. проблема «падения Рима» и Великого переселения народов занимала главенствующее место в историографии, как в XVIII в. Не было и тех связанных с ним дискурсов, подобных тем, которые мы могли наблюдать в XIX — начале XX вв. Во многих отношениях послевоенный период ознаменовался молчанием о «падении Рима» и особенно о роли варваров. Высказывавшиеся интерпретации периода с IV по VI вв., как правило, отражали личные взгляды единичных ученых. Представляется значимым, что одна из главных книг, опубликованных в 1960-х гг. — труд Райнхарда Венкуса «Формирование и устройство племени: становление раннесредневековых *gentes*» 1961 г.¹⁰⁹ — оставалась почти никем незамеченной в течение десятилетия или даже дольше, за исключением английского ученого Майкла

105. *Cochrane C. N.* Christianity and Classical Culture: a study of thought and action from Augustus to Augustine. Oxford, 1940.

106. *Dawson Ch.* The Making of Europe 400–1000 A. D. London, 1932. Перепечатано в 2006 г. с введением А. Мюррея.

107. *Wood I.* The Modern Origins... P. 272.

108. *Dawson Ch.* Les origines de l'Europe et de la civilisation européenne. Paris, 1934; *Idem.* Le moyen âge et les origines de l'Europe des invasions à l'an 1000. Paris, 1960; *Idem.* Die Gestaltung des Abendlandes. Leipzig; Frankfurt, 1935.

109. *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung: das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln, 1961.

Уоллеса-Хэдрилла¹¹⁰. Вклад Венкуса заключался в преумножении биологической природы раннесредневековых племенных групп, представлении их скорее образованиями, сформировавшимися вокруг традиций (настоящих или придуманных) главенствующей группы¹¹¹. Такой подход в дальнейшем будет привлекать все больше внимания по мере вхождения этнических и расовых признаков в общественную повестку дня в качестве политических тем.

Новый дискурс возник в 1970-х гг. с публикацией Питером Брауном «Мира поздней Античности»¹¹². Во многих отношениях эта работа отметила сочетание французской католической и эмпирической англо-ирландской традиции (Дж. Бьюри и Арнольд Джонс), отразившейся также в изысканиях немецких историков-классиков поздней Античности, с антропологией, ставшей катализатором его исследований. Возможно, именно привлечение антропологии более всего обеспечивает особый интеллектуальный контекст для начального описания Брауном конца Рима. Понятие о динамичной поздней Античности, не являвшейся ни по-настоящему классической, ни средневековой, было подхвачено Марру¹¹³, а также множеством молодых ученых¹¹⁴. Подход Брауна, как казалось, очень соответствовал времени: это была попытка понять необычное, прежде всего с религиозной и культурологической точки зрения.

Нельзя сказать, что старые дискуссии полностью стихли. В то время как Браун в основном обходил стороной варваров в «Мире поздней Античности» (хотя позже он занимался ими более глубоко в «Подъеме западного христианского мира»¹¹⁵), дискуссии об их роли снова вышли на передний план. Уолтер Гоффарт, уроженец Бельгии, большую часть жизни проведший в США и Канаде¹¹⁶, долго шел к отрицанию значимости германских народов, тем самым представив новую, в сущности, радикальную, «романистскую» точку зрения, сформулированную еще Дюбо, Фюстелем и Пиренном¹¹⁷. Другие, в первую очередь Гервиг Вольфрам, представляли варваров в преимущественно

110. Wallace-Hadrill J. M. Stammesbildung und Verfassung // *English Historical Review*. 1964. Vol. 79. P. 137–139.

111. Подробно на русском языке об идеях Венкуса и их рецепции в историографии см.: Стефанович П. С. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // *Историческая память и российская идентичность* / под ред. В.А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018. С. 467–486 (URL: <https://publications.hse.ru/chapters/240282912>). — *Примеч. ред.*

112. Brown P. *The World of Late Antiquity*. London, 1971.

113. Marrou H. I. *Décadence ou antiquité tardive?* Paris, 1977.

114. О влиянии Брауна смотри: Wood I. "There is a world elsewhere": the World of Late Antiquity // *Motions of Late Antiquity: Essays on Religion, Politics, and Society in Honour of Peter Brown* / ed. by J. Kreiner, H. Reimitz. Turnhout, 2016. P. 17–43.

115. Brown P. *The Rise of Western Christendom, Triumph and Diversity A. D. 200–1000*. 2nd ed. Oxford, 2003.

116. Murray A. C. Introduction: Walter André Goffart // *After Rome's Fall. Narrators and sources of early medieval history*. Toronto, 1998. P. 3–7.

117. Goffart W. *Barbarians and Romans A. D. 418–584. The techniques of accommodation*. Princeton, 1980; *Idem*. *Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire*. Philadelphia, 2006.

позитивном свете¹¹⁸, а кто-то, прежде всего Брайан Уорд-Перкинс, вернулись к образу разрушения¹¹⁹. Как пойдет дискуссия в будущем — неясно, как неясна и связь между многими современными дискуссиями о «падении Рима» и текущими социальными и политическими проблемами, хотя растущее желание связать кризис VI, VII и раннего VIII вв. с природными явлениями (наиболее вероятно, большим извержением вулкана, судя по всему, произошедшем в 536 г.) очевидным образом отражает нынешний интерес к изменениям климата¹²⁰.

Несомненно, дискуссии о «падении Рима» и «нашествии варваров» продолжают отражать современные тревоги, и не только потому, что такова природа любой историографии. «Падение Рима» и возникновение королевств-преемников на его обломках слишком тесно связано с мифами о происхождении многих современных государств Западной Европы, чтобы этот период не имел интеллектуального резонанса. Обсуждение «падения Рима» часто представляет собой способ, с помощью которого современная Европа или даже ее западная треть — славянский мир концентрируется на несколько более поздней эпохе и другой географии — обсуждает свою идентичность. Но эти споры разворачиваются не только в Европе. Крушение римского Запада — предостережение для любой имперской державы. Оно привлекало Британию в конце XIX в., а сегодня оно занимает свое место в небеспочвенных дискуссиях в США, ведь понятие «германской свободы» было значимой темой во время Войны за независимость¹²¹. Так, вопрос о том, являются ли американцы «новыми римлянами», открыто поднимался в некоторых недавних работах¹²². Вдобавок центральное место IV, V и VI вв. в становлении христианства означает, что эти столетия — вдохновляющий период для многих набожных христиан, который может использоваться для оправдания объединения или разделения, сотрудничества или агрессии. Он может также использоваться в наставлениях

118. *Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1969* (английский перевод: *Wolfram H. History of the Goths. Berkeley, 1979*; русский перевод: *Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. Б. П. Миловидова и М. Ю. Некрасова. М., 2003. — Примеч. ред.*); *Idem. The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997.*

119. *Ward-Perkins B. The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005.* О разногласиях в ученой среде в конце XX в. см.: *Halsall G. Movers and Shakers...*

120. *Little L. K. Plague and the End of Antiquity...*

121. По поводу идеи присутствия Хенгиста и Хорсы на Большой печати США см.: *Frantzen A. J. Desire for Origins. New Language, Old English, and Teaching the Tradition. New Brunswick, 1990. P. 15–17.*

122. Например: *Goldsworthy A. How Rome Fell: The Death of a Superpower. Yale, 2009.*

и предупреждениях. Эта историческая эпоха — самая гибкая из всех, что, конечно, не означает равноценность всех трактовок, или что все они одинаково интересны. И тем не менее открытость к интерпретациям придает «падению Рима» и становлению государств-преемников особый историографический интерес и важность.